

18+

*Люблю.
Твоя Полина*

ВАЛЕРИЯ КРАВЕЦ

Валерия Дмитриевна Кравец

Люблю. Твоя Полина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72068440

ISBN 9785006727441

Аннотация

Микро-роман в мыслях, эмоциях и диалогах. «Люблю. Твоя Полина» это книга-интроспекция, поэтический монолог, история о любви, зависимости и боли. Это не роман в классическом смысле, а исповедь на грани, оголённый нерв в форме мыслей, диалогов и полутонов. «Люблю. Твоя Полина» – это когда ты целуешь боль, зовёшь любовь по имени и всё равно остаёшься наедине с собой.

Содержание

Кусочек пазла 1. Лилии	5
Кусочек пазла 2. Уговоры	11
Кусочек пазла 3. Вихрем	15
Кусочек пазла 4. Кто бы знал, что такое любовь...	17
Кусочек пазла 5. Провал	24
Кусочек пазла 6. Поговорим?	29
Кусочек пазла 7. Не любить её он не мог	34
Кусочек пазла 8. Эмма	37
Кусочек пазла 9. Эви	42
Кусочек пазла 10. «Ты – мой дом»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Люблю. Твоя Полина

**Валерия
Дмитриевна Кравец**

© Валерия Дмитриевна Кравец, 2025

ISBN 978-5-0067-2744-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кусочек пазла 1. Лилии

Май

Он появился в университете с внушительным букетом розовых лилий – прямо перед началом семинара. Половина курса филологов столпилась у дверей кабинета, ожидая преподавателя. Кучки студентов оживлённо обсуждали предстоящий зачёт по риторике, переговаривались, хихикали, делились шпаргалками.

Он пробрался сквозь толпу, будто специально – демонстративно, с напором, как человек, который ничего не боится. И, конечно, нашёл её: сидевшую на лавочке в тени, в окружении подруг. Она как раз в полголоса возмущалась поведением преподавателя, который снова не допустил её до зачёта. В голосе звучало раздражение, но взгляд был уставшим. Именно в этот момент он подошёл. Букет лилий возник у её коленей, как из воздуха, а за ним – щенячий, почти отчаянный взгляд светло-голубых глаз, обрамлённых золотистыми ресницами.

– Что ты здесь делаешь? Как ты сюда прошёл? – строго, без сантиментов, поинтересовалась она, вставая.

– Для меня нет ничего невозможного, помнишь? – ответил он почти торжественно. – Я пришёл мириться.

Он протянул ей цветы, настойчиво уткнув их в её сложенные на груди руки, но она не торопилась их принимать. На-

против – стояла как статуя, с напряжённым лицом.

– Поля, я не могу без тебя.

– Поля? – её голос стал холоднее. – Кажется, ты давно утратил право называть меня так.

Она вскочила со скамейки, в одну секунду закипая. Одна фраза – и фитиль воспламенился. Она всё ещё училась держать себя в руках, но сегодня было не то утро.

– Полина, прости меня. Мне очень-очень жаль. Даже не представляешь, сколько раз я хотел прийти раньше. Но не мог. Полина, пожалуйста, выслушай. Мне без тебя плохо. Я хочу тебя вернуть.

– Он очнулся! Посмотрите на него! – выпалила она, не заботясь о зрителях. – Ты спал с моей подругой! И ты серьёзно думал, что я не узнаю?

– Думаешь, только у тебя каналы работают? – вспылil он. – Ты ж тоже не особо горевала. Быстро себе замену нашла! Вас видели!

– Да? Как интересно. Только это был Лёша, мой брат. Ты его просто ни разу не видел. Они с Мариной как раз приезжали.

– В октябре?

– Именно. Марина тогда участвовала в отборе на фитнес-бикини, а нас туда не пускали. Мы с Лёшей гуляли.

– А целовалась ты тоже с Лёшей?

– Это возмутительно, – процедила она, внутренне холодея. – Откуда ты это можешь знать? Или, прости, у тебя фо-

томатериалы имеются?

Краем глаза она заметила вытянувшееся лицо своего бывшего парня – лингвист, с которым они встречались совсем недолго и расстались неловко. Он тоже ждал преподавателя, но последние несколько минут явно подслушивал. Их отношения закончились давно, но осадок остался. Впрочем, раз-
ве расставания бывают приятными?

– Вот и оправдываешься, – ядовито заключил он. – Значит, есть что скрывать. Ну и как, хорошо кувыркаться со своим братом-недобратом?

– У нас с ним ничего не было! – почти прошипела она, сжимая кулаки. – Хамло ты трамвайное!

Если бы не свидетели, он бы получил коленом в живот – или в нос. Удерживала себя из последних сил.

– То есть ты не отрицаешь, что кто-то всё-таки был?

– Уйди вон из моего университета!

– Ты что, его приватизировала? – усмехнулся он, раздражающе легко. – Помнишь, как мы вместе пытались поступить в театральное?

Он резко сменил интонацию – с насмешки на умоляющую мягкость.

– Помнишь, как мечтали вместе? Я пришёл мириться. У нас обоих рыльца в пушку. Признай уже это. Давай начнём всё сначала. Я ведь только из-за тебя переехал в этот город.

– Ой, не ты ли рассказывал, как тебе нравится Петербург? – всплеснула она руками. – Всё вешал мне лапшу про

родину писателей. Получается, врал?

– Я не врал. Я искренне считал его прекрасным. Но не из-за Гоголя или Пушкина. А потому что ты в нём была. И есть. Любой город становится прекрасным, если в нём – ты.

– И давно ты это понял?

Он опустил глаза. На мгновение, но искренне.

– Я, кажется, обещал тебе не врать. Сначала мне показалось, что я свободен, что могу делать всё, что хочу. А потом – как будто меня выключили. Всё раздражало. Я кидался на людей. Этот город стал мне чужим. Каюсь, я пытался найти кого-то... Но понял, что ищу в других тебя. Сначала неосознанно, потом – нарочно. Никто не знает меня так, как ты.

– Значит, ты серьёзно думаешь, что можно просто прийти с букетом – и всё, прощай, обнимай, принимай? – сказала она, выхватывая букет. – Думаешь, я всё прощу и приму тебя обратно?

– Я прошу только одного: шанс. Один шанс начать всё с начала.

– Как мы заговорили! – усмехнулась она. – Долго репетировал?

– Не паясничай. Тебе не идёт.

– А тебе идёт бросать меня в чужом городе? Заливать глаза, когда мне нужна помощь?

– С тобой невозможно разговаривать.

– А зачем же тогда тратишь время?

– И правда.

Он развернулся резко, оттолкнул плечом двух студентов и направился к выходу.

– Вот и правильно! – крикнула она ему вслед. – Вали, откуда пришёл!

Коридор вздрогнул. Несколько десятков глаз уставились на неё.

– Простите, ребята, – тихо сказала она, будто осознав происходящее. – Я не хотела.

Села обратно на скамейку, обессиленно, почти беззвучно. Букет опустился рядом. Голова кружилась.

Никто в университете не знал про её мечту поступить в театральное. Про молодого человека, с которым она прожила три года и который переехал за ней в Петербург. Про ссоры, про попытки начать с чистого листа. Она многое скрывала. Но сейчас – всё выплыло наружу.

Никто не упрекнул её. Вместо этого кто-то обнял за плечи, крепко, по-настоящему.

– Полина, мы с тобой, – прошептал лучший друг.

Она подняла глаза только тогда, когда почти все уже зашли в кабинет. И встретилась взглядом с «бывшим». Он всё ещё стоял в коридоре.

Интересно, о чём он думал? Обманщица? Аферистка?

Да, она многое скрывала. И прежде всего – от него. Хотя когда-то говорила, что у неё нет скелетов в шкафу. Но кто из нас не врёт, когда хочет понравиться? Когда хочет, чтобы

получилось? Когда боится, что будет иначе?

Да, она верила, что у них может что-то выйти. И даже больше, чем с кем-либо до этого.

Но теперь всё закончилось. Едва успев начаться.

Кусочек пазла 2. Уговоры

июнь

– Полечка, ну пожалуйста, ну тебе что, жалко? Всего один маленький концертик.

– Маленький концертик? – возмутилась девушка, обернувшись. – То есть концерт на день молодёжи, на который теоретически может приехать губернатор, вы называете маленьким?

Она не раз участвовала в студенческих мероприятиях и прекрасно понимала, сколько головной боли они могут принести.

– Ну это же чисто теоретически, – развел руками худой паренек.

– Черт, зачем ты ляпнул про губернатора? – ткнул его в ребро товарищ. Этих двоих называли «тонкий и толстый» как в пьесе, ибо именно так эти лучшие друзья выглядели со стороны. Их было сложно не заметить. При этом тот, что потолще был спортсменом, а «тонкий» постоянно что – то жевал.

Эти двое состояли в студенческом активе, занимались волонтерством, помогали преподавателям, в общем, чем угодно, кроме учёбы. Впрочем, у всех разные цели в университетские годы. «Тонкого» звали Артём Запольский, а «пухлого» – Борис Грань, в узких кругах, впрочем, как и в широких

он был более известен под коротким псевдонимом Боня.

Поначалу эти двое активно пытались в разное время подкатывать к Полине, потом узнали о тайных похождениях в друг друга, поссорились, не разговаривали месяц, а затем пришли к совместному решению: дружба дороже. Полина вздохнула с облегчением, лишних «ухажеров» ей еще не хватало...

– Теоретически, по мнению нашего декана, это тоже самое что практически, – высказалась девушка.

– Ну Полинка, почему ты не хочешь помочь своим коллегам? Вот мы между прочим всегда готовы прийти к тебе на помощь, – вскинул подбородок Боня.

– Что – то я не припомню таких случаев.

– А это тебе на будущее, – с набитыми щеками пробубнил Артём, он попытался засунуть в рот едва ли не целый хотдог. Полину поражало свойство его щек растягиваться настолько сильно при том, что лицо у него было достаточно худым.

– Так что, придёшь на репетицию? Сценарий уже прописан, нужно всего ничего. Выбрать композиции и поставить пару танцев.

– Пару танцев? – Брови девушки полезли вверх.

– Полинка, не прибедняйся, мы же знаем, что для тебя это раз плюнуть. В крайнем случае возьмёшь что – нибудь из старого. Никто даже не заметит, – махнул пальцами – со-сисками Боня.

– А что мне за это будет?

– Вот, с этого надо было начинать. Договоримся.

– Та – та – та – та – та. И пять, шесть, семь, восемь! Пять, шесть, семь, восемь и переход. И... пауза!

Несколько связок движений уже было готово, когда Полина обернулась к зрительному залу с телефоном около уха, слушая трек в который раз.

– Неплохо – неплохо, только движения чуть почётче. – В зрительном зале раздались несколько одиноких хлопков аплодисментов. – А так для первого раза сойдёт, – деловито закивал светло – русский молодой человек, приближаясь к сцене.

– Что он здесь делает? – рассерженно воскликнула Полина. – Боня! – крикнула она за кулисы, откуда тут же раздался грохот. Видимо, толстячок задремал.

– Ну что, зай, мы теперь будем вместе работать, – широко заулыбался Марк.

– В смысле? – Девушка опешила настолько, что забыла, что не собиралась вступать с ним в диалог.

– Фирма, где я работаю фотографом, стала подрядчиком этого концерта. А если все пройдет хорошо – мы будем продолжать сотрудничать, а значит и с тобой видаться чаще.

– Фотографа, – выгнула бровь Полина. – Окей. А что ты сейчас здесь делаешь, фотограф? – Язвительная усмешка сорвалась с ее губ. – Мы же пока репетируем.

– Ваша декан попросила поснимать репетицию, – с невоз-

мутимой игривостью сверкнули ямочки на его щеках. – Так что, – он широко развёл руками, – мы теперь будем часто видеться.

– Видеться ты будешь с кем угодно, только не со мной. Пришел работать, так работай, – отрезала девушка и демонстративно развернулась к ребятам, которые должны были танцевать, и продолжила отбивать ритм руками.

Кусочек пазла 3. Вихрем

воспоминания

Они ворвались в жизнь друг друга, как ветер в распахнутое окно в июльский полдень – легкомысленно, оглушительно, бесповоротно. Двое – юных, творческих, будто сотканных из искры и воздуха. Познакомились на поэтическом вечере в старой библиотеке, где книжный пыль и ламповый свет будто сгущали воздух. Он читал свои стихи – с той самой грубоватой искренностью, которая сразу подцепила её за сердце. Её взгляд то и дело возвращался к нему из-под тяжёлых ресниц – почти случайно, почти нечаянно, но достаточно часто, чтобы это стало заметным.

Позже, когда он подошёл к её компании, она намеренно не прерывала неспешную беседу с подругой – ни жестом, ни взглядом. Что-то в ней сопротивлялось: то ли упрямая дисциплина, то ли внутренняя догадка – сейчас не время. Ей предстоял последний учебный год, экзамены, театральные курсы, и она, наивно, но твёрдо верила, что не станет отвлекаться на мимолётные увлечения. Впрочем, в глубине души всё равно поселилась мысль – это ненадолго. Может быть, на лето. Может быть, до первых заморозков.

Полина тогда жила танцем, театром, поэзией – ей всё хо-

телось чувствовать кожей. Марк с того самого дня не пропускал ни одного её выступления. Ни одного – она считала. Хотя их было немного, он неизменно появлялся в зале, ловил её взгляд сквозь сценический свет, а она каждый раз будто заново удивлялась: он и правда пришёл.

Они могли говорить часами – обо всём и ни о чём. Дразнили друг друга цитатами из пьес, обсуждали бессмысленные мелочи, у которых был вес только для них. Хохотали на полупустых улицах так, что прохожие оглядывались. То спорили о театральных школах, то взахлёб обсуждали прическу Зверева, то вместе читали Чехова – ей вслух, ему в мыслях.

Когда он сказал, что собирается поступать с ней в театральный, она сжала пальцы под столом. Всё в ней понимало, насколько наивен этот план. Но вслух – не сказала ни слова. Лишь кивнула, поддержала, улыбнулась. Потому что внутри уже жила крошечная надежда: может, они уедут вместе, может, не придётся прощаться.

Она, конечно, сочиняла – мечты, планы, Петербург, будущую жизнь. Им обоим казалось, что этого огня хватит на вечность. И всё же в уголке сознания, как дождь на горизонте, уже стояло знание: всё это может закончиться внезапно. Как вспышка. Как пожар в старом сарае, полыхающий в тёмной деревенской ночи – ярко, страшно, неумолимо.

Кусочек пазла 4. Кто бы знал, что такое любовь...

июнь

Он курил у входа, когда она выходила из университета. Когда он мяукнул слабое «Полина» себе поднос, девушка даже не сразу обратила внимание, оглянувшись только когда он дотронулся до плеча.

– Чего тебе?

– Полин, подожди.

Она требовательно посмотрела на него снизу вверх, попутно уничтожая взглядом.

– Полин, не знаю, стоит это сейчас говорить или нет. Был сейчас в репетиционном зале с ребятами. Там был Марк.

– И? – Девушка выгнула бровь, а сама подумала: «Ну, давай, удиви меня».

– Если честно, он обсуждал с друзьями тебя и твои действия в не очень приятном ключе. Я не знаю, правильно ли я сейчас поступаю, но надеюсь, что это останется между нами. Будь аккуратна.

– Это что, забота? – Она рассмеялась в голос так, что стало слышно во всём переулке. – С чего такая честь? Что – то раньше я ей не достаивалась.

Не успела Полина разразиться тирадой, как он сделал вид,

что просто шел мимо и через секунду скрылся в дверях университета.

Все внутри девушки заклокотало. И как у этой сволочи совести хватало, чтобы подходить к ней и о чем – то предупредить? Они с Костей были «вместе» совсем недолго, потом выяснилось, что он «не готов к отношениям», а затем Полина узнала, что он клеился к ее знакомой – классическая история, ничего интересного. Затык лишь в том, что на какое – то время Полина поверила ему и теперь корила себя за это. Каждый день. Нет для человека наказания хуже, чем он может придумать себе сам. И пока девушка не могла простить себе эту глупость.

– И все – таки... Зачем ему наговаривать на Марка? Что он хочет этим доказать? А главное, зачем эта сволочь опять вернулась в мою жизнь?

– Ты про какую конкретно сволочь? – хохотнул лучший друг.

– Ну в данном случае про Костика.

Марк Закревский тоже её порядком раздражал своим присутствием на репетициях, они нередко цеплялись языками и устраивали друг другу подлянки, но пока что работали плодотворно.

– Опять про этого чмошника? С чего ты взяла, что он хочет вернуться в твою жизнь? Может, он просто решил тебе подгадить. Узнал, что мы провернули после вашего разрыва,

вот и решил отомстить.

– Думаешь, он мог догадаться? – прищурилась Полина.

– Без понятия.

– Да он тупой как пробка. Да и пока мы встречались, я говорил ему, что не в моих правилах мстить бывшим.

– Конечно, зачем тебе мстить, когда у тебя есть друзья? – подмигнул Мирон и дал «пять» Поле.

– Я не понимаю, – снова заговорила она через несколько минут, облокотившись спиной об огромный валун. Волны залива ледяными языками касались её лодыжек. – А как так произошло, что я была на 100% уверена, говорила об этом, но... прошло немного времени и мне стало... безразлично? Да, это произошло не сразу. Но никакой боли не осталось. Не осталось ничего. Мне так странно.

– Ты же сама говорила, что убедила себя... просто убедила, что ты любишь. Это был твой эксперимент над тобой. Ты сама мне это сказала, – напомнил лучший друг.

– Да, но я же не первый раз об этом говорила. Со мной уже было такое... – передернула плечами Полина.

– Ну это же было с другим человеком, не так ли?

– Ну да, но...

– Вот и ответ. Не может быть все полностью одинаково. Мы же все разные.

– Как интересно... – процедила девушка язвительно, закатив глаза на секунду. – Эта ваша любовь... Что это вообще такое? Я была уверена, что знаю. Во всяком случае я думала,

что могу распознать, когда я действительно это чувствую. То есть что, я до конца не понимаю даже себя?

Лучший друг пожал плечами, не найдя, что ответить. Ледяная вода Финского залива блестела на горизонте в ярких солнечных лучах, погода выдалась на удивление ясная. Хорошо, они именно сегодня выбрались загород проветрить голову во время сессии.

– Любовь. Само по себе это слово какое – то плоское. Как будто нет в нём смысла. Ну вот что у тебя ассоциируется с ним? – устало поинтересовалась Полина.

– Ну... забота, взаимопонимание...

– Ну началось. Скажи честно. Первое, что приходит в голову это же что – то романтическое, да?

– Ну наверно, – Мирон почесал затылок.

– А вот как ты определяешь, любишь ты человека или нет?

– Ну я. Чувствую, что очень хочу быть с ним рядом, делать что – то для него.

– Да. Наверное, ты прав. Это был эксперимент. Я вот сравниваю. Хотя это, наверное, неправильно. Но ты знаешь. Это же не первый человек, кого, как мне казалось, я любила. Любовь – это же понятие растяжимое, да? Мы же можем любить друзей, например?

Вот я вспоминаю свою подругу, с которой мы перестали общаться несколько лет назад. Так вот боль от её ухода из моей жизни никуда не делась. Да, она притупилась, и я уже ни о чем не жалею. Но. Если сейчас я встречу её на улице. Ну

вдруг. Я вспомню, что всё равно где – то в глубине души люблю её. И так не только с ней.

Ещё у меня был друг. Мы с ним тоже перестали общаться. У нас просто жизни стали слишком разные. Только мне всё равно кажется, что я по – прежнему его люблю. Мы не будем общаться, но я не думаю, что не приду ему на помощь, если будет нужно. Если будет возможность, я бы с удовольствием сделала для него что – то. А для Костика – нет. Это как будто было какое – то временное помешательство. Мне на него так всё равно. А я ведь привыкла, что даже если человек, которого я люблю, уходит из моей жизни, в моей душе всё равно остается его пустой стул.

– Может, у Марка не было этого стула? Хотя... У меня есть одна мысль. Только ты пообещай не обижаться.

– Ну ладно. Говори.

– А может просто любить недостаточно?

– Ахахах, ну ты философ, конечно, – ткнула его в плечо. – Долго думал?

– Да не перебивай ты, Полинка, – отмахнулся друг. – Вот вечно лишь бы с мысли сбить.

– Ну всё, прости.

– Пусть это прозвучит высокопарно. Но вот скажи, твой Костик за время ваших отношений сделал для тебя хоть что – то значимое? Хоть как – то доказал, что достоин твоей этой самой любви?

Девушка опустила глаза на камни, тщетно пытаясь вспом-

нить.

– Ну...

– Подарки, кафешки, кино – это не считается. Так любой может.

– Ну я так не могу вспомнить, – призналась Полина.

– Хорошо, а если я задам тот же самый вопрос про твою подругу или того друга?

– О, ты даже не представляешь, сколько всего было, – гуды девушки мечтательно растянулись в улыбке ностальгии. – Стоп. Ты хочешь сказать, что... – Неуловимая мысль крутилась перед глазами, но поймать её за хвост было достаточно трудно.

– Мне кажется, что в какой – то степени любовь – это как костер. Вот мелькнула маленькая искра. А дальше либо оба человека подбрасывают туда веточки, либо нет. Если веточки будет подбрасывать только один, ничего не получится. Пламя может разгореться – сильное или слабое, но сколько оно будет гореть зависит от того, как долго люди будут совместными усилиями подбрасывать туда веточки. Сначала это может быть ярко, потом чуть тусклее. Но если в самом начале кто – то один не вложил, либо только кому – то одному показалось, что эта искра была, ничего не выйдет.

– Ох, Мир, мне кажется, я уже ничего не понимаю в этой жизни. Мне всегда казалось, что любовь – она не «за что», любовь она «вопреки». И прочие романтические бла – бла – бла. Это что, все бред? – Полинка даже немного расстрои-

лась.

– Кто бы знал, Полинка, кто бы знал...

Кусочек пазла 5. Провал

«Зачем, зачем ты снова появился? Что ты опять забыл в моей жизни? Какого черта, ты не можешь оставить меня в покое? Я тебя ненавижу!» – хлесткие, липкие фразы, гневно брошенные Полиной в потоке речи, крутились в голове как заедающая пластинка.

«Прости. Прости меня. Прости,» – раз за разом проговаривали губы, в ушах звенел ответный шум.

Он все испортил. Опять. Опять испортил.

Звонил ей несколько раз, но она не брала трубку. Написал всего одно слово «поговорим?», галочки окрасились синим, но ответа не последовало.

«Зачем ты все время лезешь?» – чеканя каждую букву, прорывала на него Полина. И правда, зачем?

Что он хотел доказать?

Хрупкий мир между ними практически был установлен. Они уже не ссорились ни во время репетиций, ни после них. Более того, снова начали переписываться. Да, пока что только по рабочим вопросам, но сдвиг вырисовывался довольно ясный. И тут во время самого концерта... нет, наверное, сначала лучше сказать о том, что произошло непосредственно до концерта.

Марк как раз помогал готовить аппаратуру в рубке, откуда управляли звуком и световыми эффектами. Рубка была

расположена в конце зрительского зала, а специальный динамик, который передавал все звуки со сцены, пока что был выключен.

И тогда Марк стал невольным свидетелем разговора, а точнее ссоры Полины и какого – то незнакомого ему, Марку, паренька. Тот сначала откровенно приставал к девушке, когда они выходили из закулис на сцену, а затем вдруг резко начал кричать и размахивать руками в её сторону. С трудом Полину можно было назвать человеком из робкого десятка, но тут девушка ничего предпринимать не стала, а просто попыталась уговорить его словами, судя по движению губ, которое видел Марк.

Спустя несколько минут ссоры Полина выбежала из актового зала, а паренёк направился за ней. Он был довольно крупного телосложения, но по росту – всего на голову выше Полины. Волосы русые и вся левая рука в татуировках.

Марк попытался их догнать, но в дверях столкнулся с Боней, который вдруг завёл с ним беседу, начал задавать кучу вопросов, и Марк физически не смог от него отделаться.

Во время концерта все шло хорошо, как и было задумано. Танец, поставленный Полиной, получился шикарно. Девушка прекрасно знала свое дело, обидно, что для поступления в театральную ей не хватило буквально нескольких баллов на вступительных. К счастью, на филологический ее взяли без особых проблем – баллы позволяли.

Марк как раз выбирал нужный кадр, когда заметил в две-

рях Полину и того паренька, недолго думая, Закревский попытился, осторожно прошагал между рядами зрительских кресел, параллельно делая несколько кадров сцены и оказался прямиком у дверей.

Как он и предполагал, Полина и тот паренёк снова ссорились. Он попытался схватить её за руку, но был остановлен Марком. Закревский ловко отвёл его руку и заломил её за спину.

– Ещё раз попробуешь её тронуть, – начал он, но паренёк вывернулся из захвата и сам пошёл в наступление, ловко размахивая кулаками, Марк уворачивался и сам пытался нанести удар. Полина кричала им что – то, но влезть в драку не могла.

– Что здесь происходит? – вылетела из актового зала на звуки деканша, сосуды в глазах полопались, на толстой шее вздулась артерия.

И тут один из кулаков едва ли не полоснул ее по лицу, она едва ли успела увернуться. Тогда её выпуклые глаза полезли на лоб.

– Уволены! – прошипела она тихо, но звучно. Марк остановился. Женщина рывком схватила оставленную им на полу камеру. – Найду кого – то менее ушибленного, – плюнула она в его сторону. – А ты, – ткнула она пальцем в Полину, – отчислена. И вернулась в зал, с размаху хлопнув двустворчатыми деревянными дверьми.

Гулкое «отчислена» повисло в воздухе. Первые несколько

секунд Полина смотрела на двери невидящим взглядом, затем развернулась и бросилась прочь от актового зала.

– Полина! – побежал за ней Марк, но догнать сумел уже на улице.

Тогда девушка остановилась и наградила его жёсткой тирадой.

Её слова по – прежнему звенели в его голове, и он бы уехал из этого города. Сегодня. Прямо сейчас. Но не мог.

Только вчера к нему из родного города приехала сестра, её жениха перевели в Санкт – петербургский стационар. Он был болен редкой генетической болезнью, с которой боролся всю свою жизнь, врачи из Санкт – Петербурга решили взяться за него и включить в программу исследований нового препарата. Эмма поехала за ним и теперь собиралась искать здесь работу, а пока поселилась в съемной квартире брата.

Вот и ещё одна причина, по которой Марк который час бродил по историческим улицам культурной столицы и не спешил домой: не хотелось нести Эмме весь тот негатив, что накопился внутри. Ей и без того сейчас приходилось несладко.

Проветрил голову и завалился в квартиру в таком позитивном настроении, на которое только был способен.

– Хей, Эм, а я тебе голубя принёс. Надо же нам что – то на ужин приготовить, а у нас в Питере так, да. Вся зарплата на аренду квартиры уходит, приходится выкручиваться.

Сначала он зашёл в комнату, положил вещи, затем – в ван-

ную помыть руки. Сестра, видимо, ужинала на кухне.

– Ничего, хоть ты приехала, щас работать начнёшь, глядишь, деньги на нормальную еду появятся. А ты что думала, тунеядством как обычно заниматься?

Разумеется, Марк лукавил: его старшая сестра Эмма совсем недавно закончила университет с красным дипломом, и пусть ее вуз был не настолько престижным, как вузы культурной столицы, у девчонки за плечами имелся неплохой практический опыт. Так что вряд ли найти работу для неё окажется большой проблемой, чего нельзя было сказать о нём, человеке, которому едва ли хватило баллов для поступления на заочное отделение.

– Так что, голубя готовить будешь? Вкусненький, свеженький, только что поймал, – с этой фразой Марк заглянул на кухню и увидел того, кого меньше всего ждал. Светло – русые волосы были привычно заплетены в длинную косу, из которой небрежно выбилось несколько прядей. Бежевое кружевное платье по – прежнему удачно облегало фигуру – она ещё не успела переодеться после концерта. Полина. Все внутри сжалось.

Кусочек пазла 6. Поговорим?

– Прости.

Да, это определённо то, что он сейчас хотел сказать, но далеко не то, что ожидал услышать. Полина его опередила.

– Прости. Я не должна была кричать на тебя. Ты за меня заступился. Это было вовсе не обязательно, но спасибо. Помощница декана написала мне, что я не отчислена. Баба просто перенервничала. Конечно, никто меня отчислять не собирался. Но всё равно неприятно. Какая же она всё – таки... сказочная... А Боня вообще. Ты ещё не знаешь, что он вытворял?

– Нет.

– О, я тебе расскажу, это надо было видеть.

– Спасибо, что помогла моей сестре. Я правда не мог ответить.

– Да брось. Все же свои. А Эмка солнце, я так по ней скучала. Подумать не могла, что буду настолько рада её увидеть. Она не просто солнце, она свет, – по губам Полины заскользила мечтательная улыбка восхищения. Эмма в тот момент что-то мыла в ванной, судя по звукам льющейся воды, и не могла слышать этого. – Ты что-то ещё хотел обсудить?

Марк потупил взгляд и прикусил губу. Он ждал этого момента очень и очень долго, думал, что же будет говорить, подбирая слова, но сейчас... Боялся. Просто банально боял-

ся. Непонятно чего, но не мог произнести ни слова. Как же глупо!

– Марк, я слушаю, – тихо поговорила Полина. – Здесь больше никого нет. Я слушаю. Либо пойду уже...

– Полин, у нас с Верой ничего не было. Ничего. Нас просто так сфотографировали. Ничего не было.

Полина была заинтригована таким началом, а потому молчала, внимательно глядя в окно за спиной Марка.

– Это не оправдывает того, что я на самом деле бросил тебя практически одну. Тогда, в самом начале. Я поступил совершенно не туда, куда хотел, с работой никак не получалось, вот я и влился... В не совсем хорошую компанию. Я проявил слабость. И бесхарактерность. А потом, когда произошла вся вот эта ситуация, и ты не отвечала на мои звонки... я стал ещё больше с ними общаться. А Вера... Она однажды позвала меня с ней прогуляться, и я увидел тебя и... того... Не знаю, кто это был, но мне показалось, что вы вместе. Вы держались за руки. Это было в январе. Я виноват. Потому что поздно спохватился. Но мне всё равно стало так обидно. Я искал себя. Искал то, что хочу делать. Ушел из той компании. Устроился фотографом. Недавно нашей фирме предложили сотрудничество с вашим университетом. Ну или тендер. Я не вдавался в подробности. В общем, я буду нередко у вас появляться. Это правда совпадение. Иногда мы будем видаться, но общаться... Я не хочу доставлять тебе дискомфорт. Не хочу, чтобы тебе было плохо, поэтому если

ты захочешь, я буду тебя избегать. Прости меня, пожалуйста.

Полина ещё несколько минут смотрела в окно, и Марк уже начал сомневаться, что она вообще его слушала, но буквально через несколько секунд девушка взглянула на него и заговорила.

– Так вот откуда готовилось нападение, – усмехнулась она. – Честно говоря, я бы тебе не поверила насчёт Веры, если бы сама не знала, что она за человек. Поэтому да, проехали.

Марк заметно выдохнул. Вдруг он невольно совершенно не уместно сравнил себя с щеночком, который сидит перед хозяином и, внимая каждому слову, слушает, какой же вердикт вынесет человек.

– На самом деле я давно тебя простила. Вспоминаю иногда, неприятно. Но обиды на тебя у меня нет, – с расстановкой проговорила девушка. – Мы же общаемся. Даже если орём друг на друга иногда. Это же привычно для нас, так ведь? Зла я на тебя не держу.

– Ну слава богу. Я очень рад это слышать. У меня была полная уверенность, что ты меня люто ненавидишь, общаешься только для того, чтобы во время репетиции было меньше криков.

– Вот все эти окружающие... Что они вообще обо мне знают? – продолжила Полина. – У них от силы в голове пару характеристик меня. Не больше. А так им абсолютно плевать. Да и я не собираюсь никому о себе больше рассказывать.

Но ты знаешь больше. Так уж повелось. Но иногда так случается, что люди, которым доверяем мы, совершенно не доверяют нам. И с этим очень сложно что – либо сделать. Понимаешь, кредит доверия – это такая штука, которая не восстанавливается по щучьему велению по-моему хотению.

– Конечно. Я понимаю.

– Ты мне не противен, но доверять тебе... у меня не получается. Что-то сломалось. Но это совершенно не значит, что мы не можем продолжать общаться.

Если бы все люди говорили только то, что мы хотим услышать, мир был бы совершенно другим. Более предсказуемым и скучным. Марк с трудом улавливал смысл слов девушки, но старался выделять смысловые кусочки и осторожно складывал их у себя в памяти. «Насильно мил не будешь,» – это ясно.

– Ты, конечно, говнюк, но человек неплохой, – вернулась в кухню Эмма, когда гостя покинула их квартиру.

– Это ты сказала Полине?

– Мы вообще о тебе не говорили, – отрезала сестра.

– Признайся, это все часть твоего хитроумного плана?

– Хм, скрывать не буду. У меня были подобные мысли, как бы затащить ее в квартиру. А тут такой случай, ничего придумать не пришлось, мне действительно понадобилась помощь, а кое у кого башка дырявая, чтобы портативку дома не забывать.

– Прости. Я буду внимательнее.

– Приди ты на полчаса позже, я бы уже не смогла её удержать. Знал бы ты, с каким боем я уговорила её подняться в квартиру, чуть ли в обморок не пришлось падать.

Эмма старалась придать своему голосу как можно больше беззаботных нот, но Марк знал, что он это всё маска, за которой девушка пытается скрыть панику и дневные переживания. Арсений не первый раз попадал в реанимацию, и не первый раз Марк видел, как несладко приходится сестре.

Она заваривала чай, когда брат подошел к ней со спины и сжал плечи.

– Хорошо, что ты приехала.

– Ты один из главных мужчин в моей жизни, – прошептала Эмма, опираясь руками о столешницу.

– Арсу повезло с тобой, сис.

– Я люблю тебя, – закрыла глаза девушка.

– И я тебя, кнопка.

Кусочек пазла 7.

Не любить её он не мог

Он просыпался каждое утро и засыпал каждую ночь с одними и тем же мыслями. Он никак не мог выкинуть ее из головы. И это оставалось неизменно. Точнее всё, что мог, он делал. Делал даже больше. Но быть рядом с ней в той роли, о которой он мечтал, не представлялось возможным.

Она входила в помещение, и он чувствовал её. Затем ловил ее взглядом. Вряд ли она замечала его также часто, как он ее. Впрочем, неудивительно, её близорукость давала о себе знать. Впрочем, в её прищуренном взгляде он находил свой собственный шарм. Она не носила очки, ибо боялась, что они навредят её имиджу.

Он всегда замечал, помыла она голову вчера или было это два дня назад потому, насколько пушистыми были её локоны. Она почти не улыбалась. Это было не в её манере. Но несмотря на это вокруг неё всегда было много людей. Она нередко была к ним максимально безучастна, листая ленту в телефоне, однако они, окружая её, старались как можно скорее вовлечь в разговор. И каждое её слово было весомо. Но он подойти не мог. Просто не мог.

Не мог делить её внимание с кем-то ещё. Он знал, что она тоже наблюдает за ним изредка. Как сытая кошка за добычей.

Словно имеет в виду. Он не знал, что в её голове. И не понимал, что из того, что он знал о ней было правдой, а что родилось в его фантазии.

Он ненавидел её всем сердцем за её прямолинейность, резкость, лёгкую грубость и за то, что каждое её слово попадало в цель, но любил больше. Любил так, что кружилась голова. И не мог выбросить её из мыслей. Просто не мог. Сколько не пытался. Сколько не ждал.

Он замечал в ней всё. Новую сумочку, отросший маникюр, причёсанные брови. Каждая мелкая деталь. Просто потому, что каждая её частица была для него важна и необходима.

Она не была идеальна. Нет, ни в коем случае. И замечая детали, он в этом убеждался. С удовольствием убеждался.

Он наблюдал за ней. Каждый день. Всегда знал, где она. И если кто-то говорил, что она совсем скоро должна прийти, напрягался всем телом, думал и ждал. А когда она появлялась, вздыхал с облегчением, возвращался ненадолго к своим делам, а после вновь наблюдал. Как она переговаривается со своими подружками. Как собирает локоны в высокий хвост. Как поправляет небрежно причёску. Как убирает пыль с туфель салфеткой.

Ей безумно шли каблуки. Просто невероятно. Ходила она на них немного неуверенно, иногда спотыкалась. Но это было неважно.

Надевала она их исключительно по особым случаям, а ко-

гда надевала, становилась на голову выше всех остальных, но не в плане роста, а в плане того, насколько сногсшибательно выглядела.

И она была невероятная. Особенная. Для него особенная. И он знал её ровно настолько, насколько было возможно.

Он не думал, что она идеал. Нет. Конечно, нет. Представить сложно, какое количество её особенностей его бесило, раздражало. Но не любить её он не мог. Просто не мог и всё. Каждая манера, каждая частичка её отпечатались в его памяти глубоким шрамом. Шрамы укрощают мужчину.

«Я люблю тебя. Всем сердцем.» Он бы очень хотел произнести эти слова вслух. И тысячу раз представлял, как сделает это. Вот только полная уверенность в том, что, если эти слова будут хоть раз произнесены, они навсегда потеряют свой смысл, останавливала его.

Кусочек пазла 8. Эмма

– Маркуш! Марк! Марк, подойди ко мне!

Нетерпящий заминок голос матери продолжал звать его на протяжении нескольких минут, пока не приблизился к его комнате и не сорвал наушники.

– Я тебя зову уже полчаса! Совсем скоро оглохнешь со своими игрушками.

Подросток медленно развернулся на кресле, даже не думая уточнять из – за чего его оторвали от игры – все равно мать сейчас сама ответит на этот вопрос, так зачем тратить слова?

– С Эммой идёте тренироваться на озеро. Через полчаса выходите.

– Не ко мне. Мы через 40 минут договорились с пацанами встретиться.

Не оставляя варианта для продолжения разговора, мальчик повернулся обратно к компьютеру.

– Марк, сестре надо тренироваться, у неё скоро соревнования. Крытый каток пока что закрылся. У неё нет вариантов.

– Это у неё нет вариантов, а у меня есть. Мне какое дело до её соревнований?

– Марк, я не могу отпустить её на лед одну. Ей 16, темнеет рано, а ты вон какой бугай вымахал. Что тебе, сложно?

– Да, представь себе, мне сложно.

– Хорошо, в таком случае мне сложно купить тебе билет на лигу чемпионов. Ну что сделаешь? Мне сложно.

– А манипулировать нехорошо.

– А с тобой какие – то другие способы вообще работают?

– Мам, мы с пацанами давно договорились. Со мной считаться перестанут.

– Я с тобой тоже давно договорилась, одевайся, – безапелляционно развернулась мама на каблуках и вышла вон из комнаты, прекрасно понимая, что её просьбы будут исполнены.

Опять эта Эмка! Все для нее! А с моим мнением считаться не надо! – крикнул ей вслед Марк.

Лёд на озере был крепкий, мороз твёрдо стоял на своем, не намеренный сдаваться. В нескольких метрах от берега блестела расчищенная площадка. За всю дорогу брат и сестра не проронили ни слова в адрес друг друга, прекрасно понимая, что начнется перепалка и настроение, которое и так хуже некуда, упадёт ещё сильнее, впрочем, почему – то именно сегодня не очень хотелось идти по улице и откровенно орать друг на друга, как это происходит обычно. Были они помладше, так дело вообще нередко доходило до кулаков.

Эмма дошла до площадки, степенно переобулась в коньки и начала тренировку. Марк походил туда – сюда несколько минут, а затем решительно приблизился к сестре и выкрик-

нул:

– Ну ты тут занимайся, короче, я быстро к пацанам и вернусь.

Сначала показалось, что Эмма не услышала, но потом повернулась и едва заметно кивнула. Наверняка поняла, что от её мнения в эту секунду ничего не зависит.

Сбросив с себя груз ответственности, Марк развернулся и бегом бросился прочь от озера. Пацаны наверняка все ещё его ждут, он ещё успеет к ним присоединиться. Ничего страшного не случится, если он пропустит середину тренировки сестры, домой то он все равно её проводит. Даже стемнеть не успеет. С этими мыслями Марк бегом пронёсся несколько кварталов.

Довольный своей находчивостью, он не сразу заметил выезжающий со двора автомобиль и едва ли в него не вписался. Недовольный водитель открыл окно, что – то на него заорал. Всё – таки мальчик буквально выскочил из – за угла. Благо, Марк успел затормозить, совсем немного поскользнулся и упал спиной на мягкий снег.

Вскоре водитель скрылся за ближайшим светофором. Марк медленно поднялся, отряхнулся и был готов бежать дальше, но вдруг его буквально обухом по голове ударило.

Внезапно перед глазами пронёслась картинка из вчерашних новостей, мозг мгновенно сложил факты воедино. Ведущая вещала о странной аномалии, несколько ночей подряд температура воздуха повышалась до нуля. Лёд за это время

мог немного подтаять.

Обидно было бросать свое дело на полпути. Но, не хотя, Марк все же пошёл обратно, к озеру.

Странно, но знакомой фигурки сестры нигде не было видно. Тогда он подошел ближе к площадке и увидел одиноко стоящие ботинки. В глазах потемнело, Марк бросился ближе и увидел огромную зияющую дыру прямо посередине площадки, не успев так подумать, мальчик мгновенно скинул себя обувь, куртку и сиганул в прорубь.

Следующие несколько мгновений буквально стерлись из его памяти. Помнит только, как вытащил девушку на поверхность, спиной поволок её до берега. И откуда только силы взялись? Конечно, он в свои 14 уже был на голову выше Эммы и благодаря ежедневным тренировкам сильнее, но подобных подвигов ранее за собой не замечал. Как же там делают... Прямые руки... дыхание...

Чисто из солидарности с товарищами недавно вместе со сбором автомата в школе попытался освоить практику искусственного дыхания. Качал, считал, дышал. Ничего не помогало, он нашел Эмму буквально у поверхности, благо, течение не успело унести её, но девушка уже практически не сопротивлялась на тот момент.

Отчетливо в сознании нарисовался образ. Белое платье, белая фата, такая же белая кожа, губы, опущенные ресницы. Синие прожилки на коже, полностью бескровные щеки. Почему – то совершенно отчётливо он видел её, но не сейчас,

где – то в будущем, в гробу. Из – за всей силы отмахивался от этих мыслей и продолжал упорно качать, считать, дышать. Но мысль такая настойчивая, вновь вновь возвращалась в голову. Представил лицо матери, она не переживёт этого, она точно не переживёт. А он? Как он будет? Да, они постоянно ссорились и дрались, но где – то в глубине души это была его сестрёнка.

И тут Эмма задышала, закашляла, захрипела, но открыла глаза.

Это был тот день, та точка отсчета, после которой они больше никогда не ссорились в своей жизни. Подкалывали друг друга – да, шутили – да, жестоко шутили – тоже да, но не дрались и не вымещали друг на друга всю ту нерас-траченную злость на этот мир, что обычно копится в душе у подростков.

Кусочек пазла 9. Эви

Мало кому хочется, чтобы кто-либо узнал о нём ту самую неприятную правду, которую он прячет за семью замками и иногда не признается в этом самому себе. Эта неприятная правда сидит там где-то, тихо скребётся, но ломиться в дверь не собирается. Потому что правда – это не ложь. Ложь может выбить дверь с ноги, правда на такие вероломные действия не пойдёт. Она будет тихо ждать в сторонке. Но даже если ты не хочешь признаваться в своих ошибках, их можно тихонечко исправить ну или хотя бы попытаться.

Полина никогда не считала себя лёгким на подъём человеком. Иногда она была одинока в толпе, и наслаждалась этим, а иногда в самом центре внимания и тоже наслаждалась этим. Получалось с кем – то находить общий язык – и это становилось приятным сюрпризом, но из кожи вон она никогда не лезла, чтобы с кем – то начать общаться. Чтобы продолжить общение – возможно.

Но та самая неприятная правда заключалась в том, что иногда Полина откровенно перегибала палку, слишком цепляясь за человека, и строила преграды для его общения с кем – то ещё ровно до тех пор, пока её, Полины, статус в жизни этого человека не закреплялся.

Ещё один кусочек неприятной правды заключался в максимальной невнимательности девушки. Невнимательности

по отношению к окружающим людям. Ей нередко было откровенно плевать. Она даже в упор могла не заметить. Могла не заметить, когда с ней кто – то искренне хотел начать общаться. Проигнорировать и сделать человеку больно своим безразличием.

И самое забавное, что иногда две этих неприятных правды соединялись в одной точке.

Так произошло и с одной из девочек – активисток, которая тоже занималась организацией концертов и творческих мероприятий в университете.

Эвелина Гофман. Невысокая, в меру упитанная брюнетка профессионально занималась танцами, поэтому всегда участвовала в постановках Полины.

В тот период Полина только начинала общаться с Кости-ком, он вызывал у неё интерес, потому она звала его на репетиции, чтобы, так сказать, показать себя во всей красе. И тут возникла эта Эвелина. Они оказались знакомы, и не успела Полина опомниться, как после каждой тренировки, с которой её встречал Костя, он мило любезничал с Эви.

Нет, Полина её не возненавидела, но стала активно препятствовать их общению. Делала все, чтобы они не виделись и даже не пересекались. Нет, до откровенного вмешательства в жизнь Константина не доходило. Она даже пару раз услышала от него о том, какая же Эви «классная». Однако вскоре все эти разговоры свелись на «нет» – тактика Полины действовала.

И ещё всего раз. Всего один маленький раз, о котором Полина предпочла бы не вспоминать никогда в жизни, она поступила очень... некрасиво. Когда на тренировку к ним пришли представители другого университета, которые хотели посмотреть на Эви в танце и, возможно, пригласить выступить у них, Полина как главный постановщик сказала, что девушка подвернула ногу и ближайшее время выступать не сможет, хотя та просто опаздывала. Полина чувствовала себя ужасно паршиво после того случая, но признаться в этом было выше её сил.

Слабачка? Да, слабачка. И ничего с этим не поделаешь.

Их история с Костиком закончилась, едва успев начаться, а ситуацию с Эвелиной Полина спрятала глубоко в памяти и предпочла бы к ней не возвращаться.

Прошло почти полгода, началось лето, а на концерте на день молодёжи не хватало танцоров. Вот Мирон и напомнил Полине про Эви. Оказалось, они иногда общаются подружески. Мирон очень похвалил её скромность и задор, поэтому Полина и обратила на неё внимание.

Во время самого концерта, когда произошла ситуация с Костей и Марком, и Полина не смогла присутствовать на заключительном танце, Эвелина героически взяла все под свой контроль и довела дело до конца. Организовала всех, помогла вспомнить движения и проконтролировала все от начала до конца. Полине об этом рассказали позже, потому девушка решила, что сидеть на месте нельзя, и при-

гласила Эви выпить вместе кофе, не представляя, во что это может вылиться.

– Не скрою, твоё приглашение стало для меня полной неожиданностью, – неустанно держа осанку в идеальном положении, произнесла Эвелина. Полина невольно задержала взгляд на её длинных пушистых ресницах. «Свои», – сделала вывод девушка.

– Ты фактически спасла меня. Декан обещала меня выгнать, но ей так понравился финальный танец, что она передумала. Ей передали, что это я его поставила. Не ты ли это была?

– Фирма своих секретов не раскрывает, – улыбнулась краешком губ девушка.

– А зачем тебе это? Мы же даже не были знакомы.

– Как это не были знакомы? Мы же почти год вместе танцуем.

– Да, но...

– Никаких «но». Я не сделала ничего особенного. Прислать тебе видео с выступления? – загорелись глаза девушки.

Удивительно, но после этого Полина и Эвелина стали переписываться, при встрече обсуждать насущные вопросы и вместе смеяться. А вскоре Полина и вовсе привела её в свою компанию. Скромной, тихой на первый взгляд девочке было поначалу немного некомфортно, но после, когда она ощутила, что никакой опасности нет и не предвидится, Эви вполне себе освоилась.

Кусочек пазла 10. «Ты – мой дом»

Палата, в которую перевели Арсения из реанимации, была неприметной: белые стены, резкий запах антисептика и глухой шум капельниц за занавеской. Но для Эммы это место стало почти домом. Она сидела на краешке кровати, держа его за руку, как будто только её прикосновение могло удержать его здесь, в этом мире.

Он делал ей предложение уже много раз. Каждый раз – с такой настойчивой нежностью, как будто боялся, что завтра у него не будет шанса. Она уже была готова расписаться прямо здесь, в этой палате, среди больничных стен и запаха лекарств. Но Арсений отказался. Слишком горько ему было позволить счастью начаться так – под гул аппаратов и в свете холодных ламп. Он хотел, чтобы Эмма запомнила их день другим: не как акт отчаяния, а как праздник жизни.

Он выглядел так, как будто его тихо точила какая – то внутренняя печаль. Тёмно – русые волосы были чуть взъерошены, кожа бледная, почти прозрачная, будто созданная не для боли, а для света. Его длинные пальцы, холодные и тонкие, осторожно обнимали её ладонь. В глазах – слишком много понимания для его возраста. Иногда он улыбался, редкой, искренней улыбкой, от которой всё вокруг будто становилось немного теплее. И даже в больничной пижаме, с капельницей в руке, Арсений оставался Арсением – тем

самым человеком, которого Эмма любила без остатка.

Как настоящий мужчина, он пытался порвать с ней – раз за разом, находя всё более изощрённые оправдания. Хотел, чтобы она жила, смеялась, не привязывала свою судьбу к «инвалиду», как он сам себя жестоко называл. Но каждый его порыв разбивался о её спокойную, твёрдую любовь. Она стояла перед ним с такой простой, непоколебимой и даже порой наглой уверенностью, что он сдавался, теряя остатки оборонительных слов.

Сколько раз они сталкивались с непониманием. Знакомые и дальние родственники качали головами, шептались за спиной: «Молодая, глупая. Жизнь губит. Ради кого? Ради какого – то больного?» Но Эмма только крепче сжимала его руку в такие моменты. Её родители – её главная опора – всегда были на её стороне, как и младший брат. Они помнили Арсения не только нынешним: они помнили мальчишку, который всегда относился к их дочери с таким уважением и трепетом, будто она была самым драгоценным бриллиантом на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.